

Игорь Сухих

РУССКАЯ
ЛИТЕРАТУРА ДЛЯ ВСЕХ
ОТ ТОЛСТОГО ДО БРОДСКОГО

Санкт-Петербург

УДК 82.09
ББК 83.3(2Рос-Рус)1
С 91

Серийное оформление Вадима Пожидаева
Оформление обложки Виктории Манацковой

ISBN 978-5-389-27777-9

© И. Н. Сухих, 2025
© Оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2025
Издательство Азбука®

Лев Николаевич Толстой

(1828–1910)

НАЧАЛО:

«ВСЕШ МИР ПОГИБНЕТ, ЕСЛИ Я ОСТАНОВЛЮСЬ...»

Однажды, гуляя с Тургеневым, он увидел старого мерина и так удивительно рассказал историю его жизни, что автор «Отцов и детей», смеясь, предположил: «Когда-то, Лев Николаевич, вы были лошадьё».

Через много лет Илья Львович Толстой вспоминал об отце: «Ведь у него всегда было семь пятниц на неделе, его никогда нельзя было понять до конца. (...) Я хочу сказать, что его и до сих пор не понимают как следует. Ведь он состоял из Наташи Ростовоы и Ерощки, из князя Андрея и Пьера, из старика Болконско-го и Каратаева, из княжны Марьи и Холстомера...»

Но сначала он был все-таки графом Толстым, Львом Николаевичем, Лёвшушкой, появившимся на свет в одном из самых родовитых семейств России. Предок Толстого по отцовской линии был сподвижником Петра I и одним из первых получил графский титул. Прабабка матери и прабабка Пушкина были родными сестрами, так что Пушкин и Толстой являются не только литературными, но и кровными (правда, далекими) родственниками.

«Я родился в Ясной Поляне, Тульской губернии, Крапивенского уезда, 1828 года 28 августа. Это первое и последнее замечание, которое я делаю о своей жизни не из своих воспоминаний» — так начинается «Моя жизнь», написанная за несколько месяцев до пятидесятилетия (1878).

Как и всегда, стремясь к предельным задачам, Толстой хочет погрузиться в колодець памяти до самого дна, понять, как и когда начинается человеческая жизнь и человеческое сознание.

«Когда же я начался? Когда начал жить? (...) Разве я не жил тогда, эти первые года, когда учился смотреть, слушать, понимать, говорить, спал, сосал грудь и целовал грудь, и смеялся, и радовал мою мать? Я жил, и блаженно жил. Разве не тогда я приобретал все то, чем я теперь живу, и приобретал так много, так быстро, что во всю остальную жизнь я не приобретал и 1/100 того. От пятилетнего ребенка до меня только шаг. А от новорожденного до пятилетнего — страшное расстояние. От зародыша до новорожденного — пучина. А от несуществования до зародыша отделяет уже не пучина, а непостижимость».

В пять лет, покидая детскую и переходя на первый этаж к старшим братьям, он в первый раз почувствовал, что «жизнь не игрушка, а трудное дело». «Я знал, что я безвозвратно терял невинность и счастье, и только чувство собственного достоинства, сознание того, что я исполняю свой долг, поддерживало меня».

У Толстого было счастливое детство. Стоял посреди России в старом парке дворянский дом. Смотрели со стен портреты предков. Четверо братьев и сестра росли в атмосфере всеобщей любви и заботы — с гувернерами, учителями, детскими играми и радостями.

У Толстого было несчастное детство. В полтора года он потерял мать, Марию Николаевну (он совсем не помнил ее, не осталось даже ее портрета). В девять — остался круглым сиротой (отец Николай Ильич умер внезапно, деньги, бывшие при нем, пропали, предполагали даже, что он был отравлен слугами). В семье менялись опекуны, детей разлучили с любимой тетюшкой Т. А. Ергольской.

Да и может ли быть счастлив и беззаботен ребенок, который в пять лет уже испытывает «чувство креста, который призван нести каждый человек»?

В тринадцать лет Толстой оказывается в Казани, через год поступает в университет, меняет факультеты (восточный на юридический), но в 1847 году возвращается в Ясную Поляну, так и не закончив курса. Окружающим, да и себе самому, он казался неудачником. Между тем, сам того пока не подозревая, он уже определяет свою будущую судьбу, выбирает свой пожизненный крест. В марте 1847 года Толстой начинает вести дневник (последняя запись в нем будет сделана через 63 года, за неделю до смерти).

Дневник становится интимным собеседником, воспитателем, «школой самонаблюдения и самоиспытания» (Б. М. Эйхенбаум). Толстой окружает себя частоколом правил (от правил жизни вообще до правил игры в карты), строит долговременные программы, строго следит за их выполнением, карает себя за ошибки и отступления.

В этих записях проявляется предельность требований к себе, масштабность задач, которые ставит перед собой молодой человек. Собираясь возвращаться из Казани в Ясную Поляну, 17 апреля 1847 года юноша намечает для себя ближайшие жизненные планы:

«Какая будет цель моей жизни в деревне в продолжение двух лет? 1) Изучить весь курс юридических наук, нужных для окончательного экзамена в университете. 2) Изучить практическую медицину и часть теоретической. 3) Изучить языки: французский, русский, немецкий, английский, итальянский и латинский. 4) Изучить сельское хозяйство, как теоретическое, так и практическое. 5) Изучить историю, географию и статистику. 6) Изучить математику, гимназический курс. 7) Написать диссертацию. 8) Достигнуть средней степени совершенства в музыке и живописи. 9) Написать правила. 10) Получить некоторые познания в естественных науках. 11) Составить сочинения из всех предметов, которые буду изучать».

Конечно, в полном виде этот план не мог быть осуществлен не только за два года, но и за всю жизнь. «Легче написать десять томов философии, чем приложить какое-нибудь одно начало к практике», — самокритично замечает сам Толстой. Но представим себе человека, который ставит перед собой подобные задачи: у него обязательно что-либо получится.

В одном из поздних писем Толстой вспомнит фразу нелюбимого Наполеона, произнесенную перед солдатами во время Египетского похода, подчеркнув масштаб и бесконечность своих планов и поисков: «Вы говорите, что мы как белка в колесе. Разумеется. Но этого не надо говорить и думать. Я, по крайней мере, что бы я ни делал, всегда убеждаюсь, что *du haut de ces pyramides 40 siecles me contemplent* [сорок веков смотрят на меня с вершин этих пирамид — *фр.*] и что весь мир погибнет, если я останюсь» (А. А. Толстой, декабрь 1874 г.).

**«ИСТОРИЯ ВЧЕРАШНЕГО ДНЯ»:
ОТКРЫТИЕ ДИАЛЕКТИКИ ДУШИ**

«Десять тысяч верст вокруг самого себя», — пошутил писатель Г. И. Успенский по поводу толстовских исканий, перефразируя заглавие романа Ж. Верна. Но эта, по видимости бесплодная и бессмысленная, работа на самом деле была устремлена к пока невидимой цели.

Через много лет, опять-таки в дневнике (17 мая 1896 г.), Толстой запишет: «Главная цель искусства, если есть искусство и есть у него цель, та, чтобы проявить, высказать правду о душе человека, высказать такие тайны, которые нельзя высказать простым словом. От этого и искусство. Искусство есть микроскоп, который наводит художник на тайны своей души и показывает эти общие всем тайны людям».

Вполне логично, что постоянное пользование микроскопом для разгадки тайн собственной души привело к постановке и собственно литературных задач. 25 марта 1851 года в дневнике отмечено: «...написать нынешний день со всеми впечатлениями и мыслями, которые он породит».

Описание одного дня заняло полмесяца, но так и не было закончено. «История вчерашнего дня» была опубликована лишь в столетнюю годовщину писателя. В этой небольшой вещи, жанр которой трудно определить (это отчасти дневник, отчасти повесть), уже видны многие важные черты Толстого-художника.

С первых же строк в «Истории...» заявлены *простота, обыденность предмета* изображения. Повествователь хочет рассказать «задушевную сторону жизни одного дня». Искусство Толстого, таким образом, растет не на экзотической почве: внимания и запечатления заслуживает любое мгновение бытия человеческого.

А дальше следует неожиданная гипербола, доводящая исходный тезис до парадокса, до абсурда. (Такой прием станет постоянной приметой толстовского стиля — от «Севастопольских рассказов» до «Воскресения».) «Ежели бы можно было рассказать их [впечатления и мысли одного дня. — *И. С.*] так, чтобы сам бы легко читал себя и другие могли читать меня, как и я сам, вышла бы очень поучительная и занимательная книга, и такая, что недостало бы чернил на свете написать ее и типографщиков напечатать».

Предельно четко Толстой говорит главное: можно досконально описать действия и поступки, внешнюю сторону жизни, но *вглубь человеческая душа неисчерпаема.*

Из возможной поучительной и занимательной книги в «Истории вчерашнего дня» чернила истрачены лишь на несколько эпизодов, в которых обозначен не только предмет, но и *метод* толстовского видения мира.

Герой (не названный по имени граф) играет вечером в карты в молодой симпатичной семье (муж — его приятель, в жену он платонически влюблен), потом собирается домой, хотя дама предлагает поиграть еще. Он отказывается, тут же жалеет об этом и одновременно «рассуждает сам с собой» о сказанной по-французски фразе жены: «Как он любезен, этот молодой человек».

«Как я люблю, что она меня называет в 3-м лице. По-немецки это грубость, но я бы любил и по-немецки. Отчего она не находит мне приличного названия? Заметно, как ей неловко звать меня по имени, по фамилии и по титулу. Неужели это оттого, что я... „Останься ужинать“, — сказал муж. Так как я был занят рассуждением о формулах 3-го лица, я не заметил, как тело мое, извинившись очень прилично, что не может оставаться, положило опять шляпу и село преспокойно на кресло. Видно было, что умственная сторона моя не участвовала в этой нелепости».

Эту сцену можно рассматривать как эпитафия ко всему творчеству Толстого вплоть до «Анны Карениной». Толстой, еще не опубликовав ни строчки, уже открывает метод изображения героя, который немного позднее Н. Г. Чернышевский назовет *диалектикой души.*

Мысль — слово — поступок героя не совпадают друг с другом, а ведут постоянную полемику между собой. За формальным повторением привычных фраз идет безмолвный диалог совсем о другом, а отпущенное, отбившееся от контроля сознания тело совершает внешне бессмысленные, а на самом деле глубоко рациональные действия. Стабильный в прежней литературной традиции образ человека при таком подходе теряет свои твердые очертания, приобретая подвижность, текучесть.

Изображение постоянных противоречий между словом и мыслью, словом и поступком, «*пытка анализом*», которую ведет повествователь, — становится главной особенностью, доминантой психологического метода Толстого. Но эти внешние и внут-

ренные конфликты интересуют писателя не сами по себе. Его главной задачей становится желание не только изобразить и понять человека, но и — с помощью искусства — заразить его своим отношением к жизни.

«Цели художества несоизмеримы (как говорят математики) с целями социальными. Цель художника не в том, чтобы неоспоримо разрешить вопрос, а в том, чтобы заставить любить жизнь в бесчисленных, никогда не истощимых всех ее проявлениях. Ежели бы мне сказали, что я могу написать роман, которым я неоспоримо установлю кажущееся мне верным воззрение на все социальные вопросы, я бы не посвятил и двух часов труда на такой роман, но ежели бы мне сказали, что то, что я напишу, будут читать теперешние дети лет через 20 и будут над ним плакать и смеяться и любить жизнь, я бы посвятил ему всю свою жизнь и все свои силы» (П. Д. Боборыкину, июль-август 1865 г.).

Предсказанный Толстым срок оказался многократно превзойденным. Над его книгами плачут и смеются, с их помощью *полюбливают жизнь* читатели многих стран и нескольких поколений.

ПЯТИДЕСЯТЫЕ ГОДЫ: ОТ «ДЕТСТВА» К «КАЗАКАМ»

Вскоре после «Истории вчерашнего дня», «вещи в себе», Толстой наконец открыто входит в русскую литературу. Неудачливый студент, неудачливый помещик, незадачливый чиновник Тульского дворянского собрания, человек по всем формальным показателям отставший от сверстников с карьерой, семьей, положением, — он вместе с братом Николаем в апреле 1851 года юнкером едет служить на Кавказ и там продолжает начатую в деревне новую работу.

«Помните, добрая тетенька, что когда-то вы посоветовали мне писать романы; так вот я послушался вашего совета — мои занятия, о которых я вам говорю, — литературные. Не знаю, появится ли когда на свет то, что я пишу, но меня забавляет эта работа, да к тому же я так давно и упорно ею занят, что бросать не хочу» (Т. А. Ергольской, 12 ноября 1851 г.).

Работа идет медленно, но наконец завершается. «Мне уже 24 года; а я еще ничего не сделал. Я чувствую, что недаром уже 8 лет я борюсь с сомнением и страстями. На что я назначен? Это

откроет будущность». Эта запись в дневнике сделана в день рождения, 28 августа 1852 года, через несколько недель после того, как в Петербург редактору лучшего русского журнала — «Современник» — отослана повесть «Детство».

Некрасов сразу оценил талант никому не известного дебютанта. В ответном письме он призывал Л. Н. (под этими инициалами повесть была опубликована в «Современнике») писать еще и признавал в нем настоящий талант. С этого времени, как бы Толстой временами ни хотел этого избежать, литература становится главным делом его жизни.

После трех лет службы на Кавказе Толстой ненадолго возвращается в Ясную Поляну, участвует в Крымской войне, общается с литераторами в Петербурге, путешествует по Европе, снова живет в деревне. Он едва не погибает на медвежьей охоте, собирается жениться (пока неудачно), хоронит двух братьев — и все пишет, пишет...

Литературные замыслы ветвятся, переплетаются, теснят друг друга. Задуманный роман «Четыре эпохи развития», посвященный универсальным закономерностям становления человека, реализуется в форме трилогии «Детство» (1852), «Отрочество» (1855), «Юность» (1856). Еще один масштабный замысел, «Роман русского помещика», ограничивается повестью «Утро помещика» (1857). С Крымской войны Толстой привозит севастопольскую очерковую трилогию (1855), из Европы — «Люцерн» (1857).

Первое десятилетие толстовского творчества завершается повестью «Казачи» (1863), герой которой, Дмитрий Оленин, старается слиться с простой, естественной жизнью, но обнаруживает свою чуждость ей, а также ее собственные внутренние противоречия.

В первых же толстовских произведениях органично соединились внешне противоположные свойства и черты. Погружаясь с помощью «диалектики души» в глубины человеческой психологии, он не уставал задавать «последние вопросы» — о добре, зле, смерти, любви, все время систематизировал, классифицировал, постигал общие закономерности. На языке писателя эти противоположности обозначались как *мелочность* и *генерализация*.

Но, как дневник в юности, литературное творчество и звание русского писателя не были для Толстого самоценными. Даже

в эти годы жизнь он ставил выше литературы, нравственные проблемы — выше чистой художественности.

«Чтобы жить честно, надо рваться, путаться, биться, ошибаться, начинать и бросать, и опять бросать; и вечно бороться и лишаться. А спокойствие — душевная подлость», — пишет он исповедь-проповедь А. А. Толстой (18–20 октября 1857 г.).

Поэтому окончание очередной большой литературной работы, как правило, сопровождается у Толстого попыткой бегства из литературы, стремлением изменить собственную жизнь и жизнь современников.

ШЕСТИДЕСЯТЫЕ-СЕМИДЕСЯТЫЕ ГОДЫ: ОТ ЭПОПЕИ К РОМАНУ

Очередная «новая жизнь» (в «Исповеди» она будет обозначена как третья эпоха) начинается в сентябре 1862 года. После долгих поисков тридцатичетырехлетний Толстой женится на дочери московского врача Софье Андреевне Берс (ей всего восемнадцать). Некоторые подробности их романа отразятся в истории Левина и Кити в «Анне Карениной».

Жизнь в родной Ясной Поляне приобретает новый смысл. «Пишу из деревни, пишу и слышу наверху голос жены, которая говорит с братом и которую я люблю больше всего на свете. Я дожил до 34 лет и не знал, что можно так любить и быть так счастливым» (А. А. Толстой, 28 сентября 1862 г.).

«Счастье семейное поглощает меня всего...» — отмечено в дневнике 5 января 1863 года. Но двумя днями раньше, среди записей о зубной боли и ревности жены, промелькнет и другая фраза: «Эпический род мне становится один естественен». Вскоре Толстой принимается за новый роман.

Работа над «Войной и миром» займет семь лет непрерывного и исключительного труда «при наилучших условиях жизни» (1863–1869).

Начав «Войну и мир» известным литератором своего поколения, Толстой после нее становится «настоящим львом литературы» (Гончаров), «слоном среди нас» (Тургенев), писателем, огромную роль которого в русской литературе признают все.

Эти похвалы и оценки не спасают Толстого от очередного кризиса. «Я, благодаря Бога, нынешнее лето глуп, как лошадь. Работаю, рублю, копаю, кошу и о противной лит-т-тературе и лит-т-тераторах, слава Богу, не думаю», — с иронией написано А. А. Фету (13–14 июня 1870 г.).

Но проходит три года — и литература снова властно напоминает о себе. «Вчера Левочка вдруг неожиданно начал писать роман из современной жизни, — записывает С. А. Толстая 20 марта 1873 года. — Сюжет романа — неверная жена и вся драма, происшедшая от этого».

Тема, время действия, жанр нового романа стали иными. Из ближней истории Толстой вернулся в современность (в последней части «Анны Карениной», законченной в 1877 году, речь идет о событиях года предшествующего). Целостный образ воюющего народа сменился картинками семейных и общественных противоречий. Широкий эпический фундамент «мысли народной» сжался до «мысли семейной» как главной опоры человеческого существования. Создав уникальный для XIX века жанр *романа-эпопеи*, Толстой обратился к привычному уже для европейской и русской литературы *семейно-психологическому* роману, осуществленному, однако, с привычной для писателя масштабностью и оригинальностью.

«Анна Каренина», подобно пушкинскому «Евгению Онегину», значительно изменилась по дороге. Неверную жену в сюжете потеснил еще один автопсихологический персонаж — Константин Левин. Семейные проблемы обросли вопросами экономическими и политическими. Твердая почва под ногами («Все хорошо, что хорошо кончается» — одно из промежуточных названий «Войны и мира») заколебалась и поплыла.

«Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему». Первая фраза «Анны Карениной» оказывается одновременно ее вторым, внутренним, эпиграфом. По-настоящему счастливых семей в романе нет. Трагическая бесконтрольная страсть приводит Анну Каренину к уходу от мужа и самоубийству. Житейски несчастно семейство Облонских, где муж постоянно изменяет жене. Счастье Кити и Левина в финале романа выглядит горькой иронией: герой прячет от себя шнурки, чтобы не повеситься от ощущения бессмысленности собственной жизни.

Эта деталь прямо переходит в роман из толстовской биографии. В конце семидесятых годов Толстой переживает уже не очередной кризис, а *духовную катастрофу*, первоначальная стенограмма которой дана в «Анне Карениной».

ВЕЛИКИЙ ПЕРЕЛОМ: БОРЬБА С ИСТОРИЕЙ

«Сегодня Григорович сообщил, что Тургенев, воротившийся от Льва Толстого, болен, а Толстой почти с ума сошел и даже, может быть, совсем сошел», — напишет Ф. М. Достоевский жене в мае 1880 года, накануне Пушкинского праздника, на который Толстой ехать отказался. В 1884 году, словно отвечая на толки в среде литераторов, Толстой начнет повесть «Записки сумасшедшего» (она останется незавершенной и будет опубликована лишь посмертно).

В те же годы в Ясной Поляне была заведена шуточная игра в почтовый ящик: члены толстовского семейства и гости обменивались анонимными письмами. Однажды в ящике оказался «Скорбный лист душевнобольных яснополянского госпиталя».

Под первым номером в списке значился больной, одержимый безумным желанием исправлять мир. «Пункт помешательства в том, что больной считает возможным изменить жизнь других людей словом. Признаки общие: недовольство всем существующим порядком, осуждение всех, кроме себя, и раздражительная многоречивость без обращения внимания на слушателей... Признаки частные: занятие несвойственными и ненужными работами: чищение и шитье сапог, кошение травы и т. п. Лечение: полное равнодушие всех окружающих к его речам, занятия такого рода, которые бы поглощали силы больного».

Сын писателя Сергей комментировал этот диагноз: «Автор — сам Лев Николаевич, но он писал здесь не то, что думал о самом себе, а то, что, по его мнению, думали о нем другие».

Сам Толстой думал по-иному. Это мир сошел с ума и несется куда-то в пропасть. И должен же найтись наконец нормальный человек, способный громко и внятно — не могу молчать! — высказать, выкрикнуть эту правду и предложить рецепт спасения. Многим такой правдолюбец, естественно, покажется сумасшедшим, подобно тому как нормальный человек будет выглядеть уродом среди сплошь слепых или горбатых.

Путь к этой старой правде с потрясающей силой изображен в «Исповеди» (1879–1882).

На пороге пятидесятилетия в сознании Толстого с особой остротой возникают мысли о смерти. В свете неизбежного конца встает вопрос о смысле жизни. Разум и вся мировая философия бессильны дать на него ответ. Выход из тупика дает только *вера*, но не та искаженная, формальная вера образованных людей, «паразитов жизни», а вера «простого трудового народа».

«Простой трудовой народ вокруг меня был русский народ, и я обратился к нему и к тому смыслу, который он придает жизни. Смысл этот, если можно его выразить, был следующий. Всякий человек произошел на этот свет по воле Бога. И Бог так сотворил человека, что всякий человек может погубить свою душу или спасти ее. Задача человека в жизни — спасти свою душу; чтобы спасти свою душу, нужно жить по-божьи, а чтобы жить по-божьи, нужно отрекаться от всех утех жизни, трудиться, смиряться, терпеть и быть милостивым».

В. И. Ленин не случайно когда-то связал Толстого с идеалами патриархального крестьянства, назвал его «подлинным мужиком». Толстой действительно стремился разрешить противоречия современной цивилизации путем возвращения в прошлое, к «истинной религии», которую проповедовал Иисус Христос, а позднее узурпировали и исказили его последователи и официальная церковь.

Учение Христа, считает Толстой, «слагалось из тех вечных истин о жизни человеческой, смутно предчувствуемых всеми людьми и более или менее ясно высказанных всеми великими учителями человечества: браминскими мудрецами, Конфуцием, Лао-Тзе, Буддой» («Почему христианские народы вообще и в особенности русский находятся теперь в бедственном положении», 1907).

Суть толстовского христианства сводится к пяти заповедям, заимствованным из Нагорной проповеди и соответственно переработанным: не гневайся, не сердись, «в душе своей затуши злобу против брата своего»; не прелюбодействуй, не смотри на женщину с дурными мыслями; не клянись, не давай никаких обещаний; «если спрашивают тебя о чем-нибудь, то говори: да, если да; и нет, если нет»; не противься злу, «и если кто ударит тебя в одну щеку, лучше подставить другую щеку, чем за удар отвечать

ударом»; любви всех людей, даже врагов, и делай им добро («Учение Христа, изложенное для детей», 1907–1908).

Поскольку на первый план Толстой чаще всего выдвигал четвертую заповедь, его учение, «толстовство», определяется как *непротивление злу насилием*. Официальные представители церкви видели в толстовском понимании христианства опасную ересь, угрозу общественным основам.

Узнав о гибели Александра II, Толстой пишет письмо его сыну, новому императору Александру III, с призывом помиловать цареубийц: «Только одно слово прощения и любви христианской, сказанное и исполненное с высоты престола, и путь христианского царствования, на который предстоит вступить Вам, может уничтожить то зло, которое точит Россию. Как воск от лица огня, растает всякая революционная борьба перед царем — человеком, исполняющим закон Христа».

Вместо императора Толстому ответил обер-прокурор Священного синода К. П. Победоносцев: «...прочитав письмо Ваше, я увидел, что Ваша вера одна, а моя и церковная другая, и что наш Христос — не Ваш Христос. Своего я знаю мужем силы и истины, исцеляющим расслабленных, а в Вашем показались мне черты расслабленного, который сам требует исцеления».

Призыв к милосердию на вершинах российской власти остался не услышанным: первомартовцы вскоре были казнены. Так что проблема не в том, чтобы *знать* заповеди (среди современников Толстого Евангелие читали все), а в том, чтобы *жить* в соответствии с ними — в отречении, труде, смирении, терпении, деятельной любви к людям.

«Вера без дел мертва есть».

Разлад между словом, учением и делом оказывается самым мучительным конфликтом последних десятилетий жизни Толстого. Он все время хочет привести свой образ жизни в соответствие со своим вероучением и мучительно страдает от невозможности это сделать. «Много и часто думаю эти дни, молясь о том, что думал сотни, тысячи раз, но иначе, именно: что мне хочется так-то именно, распространением его истины не словом, но делом, жертвой, примером жертвы служить Богу; и не выходит. Он не велит. Вместо этого я живу, пришитый к юбкам жены, подчиняясь ей и ведя сам и со всеми детьми грязную подлую жизнь, которую лживо оправдываю тем, что я не могу нарушить любви.

Вместо жертвы, примера победительного, скверная, подлая, фари-сейская, отталкивающая от учения Христа жизнь» (Дневник, 17 июня 1890 г.).

Тяжба между дворянским домом и мужицкой избой приобретает у Толстого драматически неразрешимый характер. Первый понимается как вместилище всех пороков, вторая — как обитель покоя и добродетели.

С точки зрения открытых им новых старых истин Толстой отрицает практически все институты современной цивилизации: церковь, государство, суд, армию, искусство, технические усовершенствования, медицину и мясную пищу. Газетные репортеры по-прежнему называют «яснополянского старца» «маститым беллетристом», но сам он чувствует себя общественным деятелем, издателем, учителем жизни, в конце концов — сапожником (поэт Фет долго носил сшитые им сапоги), но не писателем.

То, что воспринималось многими как причуда знаменитости (или старческая причуда), на самом деле было попыткой в одиночку *исправить историю*. Но не бомбой и револьвером (что в это же время делают революционеры-народники), а примером собственной жизни.

В притче «Разрушение ада и восстановление его» (1889–1902) вместе с дьяволами книгопечатания, культуры, воспитания, социализма и феминизма вокруг Вельзевула в дикой пляске кружится и дьявол разделения труда.

Создатель «Войны и мира», который в своем московском доме носит воду, тачает сапоги и убирает за собой постель, занимаясь вечерами древнееврейским языком и составляя сводный текст Евангелия, — есть живая демонстрация уничтожения противоречий между городом и деревней, между умственным и физическим трудом, противоречий, которые возникли на заре человеческой цивилизации и исчезнут бог весть когда. Дьявола разделения труда Толстому одолеть удавалось, хотя окружающим его поступки казались сумасшествием.

Главные интересы Толстого начиная с восьмидесятых годов лежат в области «прикладной», практической литературы: философии, моральной и политической публицистики. После «Исповеди» пишутся трактаты «Так что же нам делать?» и «В чем моя вера?», готовится собственный комментированный перевод Евангелия, составляются книги душеполезных изречений «Круг

чтения» и «Путь жизни», появляются многочисленные статьи на разные темы (от «Не могу молчать!», протестующей против смертных казней, до «Для чего люди одурманиваются?», страстно обличающей грехи винопития и табакокурения).

Художественные произведения позднего Толстого становятся во многом иными. Прежняя эпическая полнота и объективность воспроизведения жизни «как она есть» сменяются одноплановым изображением в свете новых мировоззренческих установок. Писатель отказывается от диалектики души, подробного изложения эволюции главных героев. На смену ей приходит обобщенная характеристика персонажа, его резкие переходы из одного состояния в другое, движение от катастрофы к катастрофе.

Герои Толстого теперь становятся похожими на персонажей Достоевского, живущими в ситуации вечного *вдруг*. Под влиянием какого-то кризисного обстоятельства, часто на пороге смерти, герой отказывается от прежнего образа жизни, бежит из дома, приходит к Богу, открывает простые нравственные истины.

Писавший о том, как обыкновенно живут люди (и как они жили раньше), Толстой теперь страстно желает показать, как *надо* (и как *не надо*) *жить*. В пятидесятые и шестидесятые годы, как мы помним, Толстой видел главную задачу искусства в эмоциональной заразительности («полюблять жизнь»). Теперь он придает ему *дидактический, учительный* характер. Поэтому многие произведения «нового» Толстого тяготеют к жанру *притчи*, прозаической басни, произведения с заранее заданным, четко следующим из сюжета моральным выводом.

В этой новой поэтике созданы повести «Смерть Ивана Ильича» (1886), «Крейцера соната» (1887–1889), «Отец Сергей» (1890–1898), «После бала» (1903), драмы «Власть тьмы» (1886) и «Живой труп» (1900).

Но главным для позднего Толстого становится роман «Воскресение» (1889–1899). Завершенная в самом конце XIX века книга представляет новую жанровую разновидность романа. От изображения русской жизни в переломные годы Отечественной войны в романе-эпопее, через исследование семейных катастроф в психологическом романе Толстой приходит к близкой Достоевскому идее внезапного нравственного перерождения личности в жанре *социально-идеологического романа*.

Герой романа, третий толстовский Дмитрий Нехлюдов (герой с таким именем уже встречался в «Отрочестве» и повести

«Люцерн») в юности соблазняет дворовую девушку, потом внезапно узнает ее в суде, вдруг чувствует ложь своей прежней жизни и, зарабатывая прощение, следует за Катюшей Масловой на каторгу. Прощенный, но отвергнутый ею, он, как и сам Толстой, *воскресает*, читая Евангелие.

С точки зрения обретенных им простых истин Толстой в очередной раз с потрясающей силой и сарказмом критикует не только государство, но и официальную церковь, которой он противопоставляет личное христианство, индивидуальное отношение к религии. Вскоре последовала ответная реакция: в феврале 1901 года «лжеучитель граф Лев Толстой» был отлучен от церкви.

Консервативный журналист, издатель газеты «Новое время» А. С. Суворин, который отнюдь не был сторонником Толстого, записывает в это время в дневнике: «Два царя у нас: Николай II и Лев Толстой. Кто из них сильнее? Николай II ничего не может сделать с Толстым, не может поколебать его трон, тогда как Толстой, несомненно, колеблет трон Николая и его династии. Его проклинают, Синод имеет против него свое определение. Толстой отвечает, ответ расходится в рукописях и в заграничных газетах. Попробуй кто тронуть Толстого. Весь мир закричит, и наша администрация поджигает хвост». В конце этой записи Суворин сводит счеты со «скудоумными правителями», оказываясь тайным соратником Толстого: «Но долго ли протянется эта безурядица? Хоть умереть с этим убеждением, что произвол подточен и совсем не надо бури, чтобы он повалился. Обыкновенный ветер его повалит» (29 мая 1901 г.).

Таким образом, слово и дело Толстого оказывается «зеркалом», сейсмографом будущих катаклизмов для представителей самых разных общественных лагерей — от Суворина до Ленина.

УХОД: ИЗ ДОМА — В ИСТОРИЮ

Имевший огромный авторитет и влияние во всем мире, Толстой много лет находился в сложном положении в собственном доме. «Толстовство» вызвало семейный раскол. Отказ писателя от прав литературной собственности, общественные выступления, религиозные убеждения не находили сочувствия у жены

и некоторых детей, воспринимались как старческие упрямство и блажь. Другие дети, напротив, поддерживали отца и помогали ему в работе.

Некоторые последователи тоже использовали толстовство в своих целях, играли в модную теорию. «Помню, как один из таких апостолов в Ясной Поляне отказывался есть яйца, чтобы не обидеть кур, а на станции Тула аппетитно кушал мясо и говорил: „Преувеличивает старичок!“» — возмущался М. Горький.

«Великий писатель земли русской», пророк, учитель жизни временами напоминал яснополянского короля Лира, героя так нелюбимого им Шекспира, покинутого и преданного своими близкими.

«А. П. Чехов сказал мне, уходя от него: „Не верю я, что он не был счастлив“, — вспоминал Горький. — А я — верю. Не был».

Впервые пришедшему к нему молодому Бунину Толстой пожелал: «Не ждите многого от жизни, лучшего времени, чем теперь, у вас не будет... Счастья в жизни нет, есть только зарницы его — цените их, живите ими...»

Он так много думал об этом, так часто проигрывал «сюжет ухода» в судьбе своих героев («Отец Сергий», «Живой труп», «Посмертные записки старца Федора Кузмича»), что последний штрих в «художественном произведении своей жизни» оказывался неизбежным.

В ночь с 27 на 28 октября 1910 года Толстой уходит из Ясной Поляны — в неизвестность. Его путь завершается на безвестной станции Астапово 7 ноября в шесть часов пять минут утра.

«Искать, все время искать», — произносит он в предсмертном бреду. И еще: «Только одно советую вам помнить, что на свете есть много людей, кроме Льва Толстого, а вы смотрите только на одного Льва». И еще, совсем уже неразборчиво: «Истина... Я люблю много... Как они...»

Поиск истины Толстой продолжал до последнего мгновения своей жизни.

В только лишь начатых толстовских воспоминаниях самые, пожалуй, трогательные страницы посвящены брату Николаю и придуманной им легенде о зеленой палочке. «Так вот, он-то, когда нам с братьями было — мне 5, Митеньке 6, Сереже 7 лет, объявил нам, что у него есть тайна, посредством которой, когда она откроется, все люди сделаются счастливыми, не будет ни болез-

Сухих И.

С 91 Русская литература для всех. От Толстого до Бродского / Игорь Сухих. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2025. — 896 с. — (Non-Fiction. Большие книги).

ISBN 978-5-389-27777-9

Игорь Николаевич Сухих — литературовед, доктор филологических наук, профессор Санкт-Петербургского университета, писатель, критик. Автор многочисленных исследований по истории русской литературы XIX–XX веков, в том числе книг «Проблемы поэтики Чехова», «Чехов в жизни: сюжеты для небольшого романа», «От... и до... Этюды о русской словесности», «Сергей Довлатов: время, место, судьба», «Структура и смысл: Теория литературы для всех», «Книги XX века. Русский канон» и других, а также полюбившихся школьникам и учителям учебников по литературе.

Двухтомник «Русская литература для всех» (первое издание — 2013, в трех томах) — это путеводитель по отечественной классике, адресованный самой широкой читательской аудитории. Он дает представление о национальном литературном каноне — от «Слова о полку Игореве» до авторов конца XX века. Настоящее издание дополнено новыми главами — «Фольклор: от былины до частушки», «Повести Смутного времени: счастье-злочастие», «А. Д. Кантемир», «А. Н. Радищев», «Н. С. Лесков», расширены главы о Салтыкове-Щедрине и Горьком, а также включен большой раздел «Язык русских писателей».

«Русская литература для всех» — из тех редких книг, которые со временем не устаревают. Она еще раз доказывает то, что филология — не унылая наука и серьезный разговор о литературе может быть не только познавательным, но и увлекательным.

УДК 82.09

ББК 83.3(Рос-Рус)1

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ СУХИХ
РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА ДЛЯ ВСЕХ
ОТ ТОЛСТОГО ДО БРОДСКОГО

Ответственный редактор Алла Степанова
Художественный редактор Виктория Манацкова
Технический редактор Валентина Дик
Компьютерная верстка Алины Леонтьевой
Корректоры Валентина Гончар, Валерий Камендо, Ирина Киселева

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 27.12.2024.
Формат издания 60 × 88 1/16. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 54,88. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» — обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	Өндіруші: «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ — АЗБУКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в г. Санкт-Петербурге, 191024, Санкт-Петербург; Херсонская ул., д. 12–14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru	Санкт-Петербург қ. «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург; Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Отпечатано в России.	www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

12+

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

A-NFB-36791-01-R